

№396 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Чьих мы будем?

Нынешнее уставное чтение из 1-й главы Первого послания апостола Павла Коринфским христианам побуждает нас размыслить по поводу церковных разделений дня нынешнего. Павел сокрушается: «...сделалось мне известным о вас, братья мои, что между вами есть споры... одни у вас говорят: "я Павлов"; другие - "я Аполлосов"; третьи - "я Кифин". Разве разделился Христос? Разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились?..» (1Кор.1,12-13).

В Украине сегодня, не считая сотен разновидностей протестантских Церквей, разделены и католики. Среди них и так называемые «покутники», и «лефевристы», и «подгорцы», и это лишь из тех, которые в нашей стране. Причём так - например, синодалы альтернативной «Украинской правоверной греко-католической церкви», возглавляемой «Верховным архиепископом» Михаилом Осидачем, папу почитают чуть ли не антихристом.

Объединение православных Церквей в декабре 2018-го, а затем и получение Томаса об автокефалии, конечно же, сыграло положительную роль, однако большинство приходов Московского патриархата отказались быть с нами вместе, да и ветвь УАПЦ Игоря Исиченко не пошла на объединение.

А тут ещё наш бывший патриарх Филарет «заболел» – овладела им ностальгия быть во всём и всегда главным – как-никак аж с 1966 года он неизменно первоиерарх в Украине, а тут Епифаний нарисовался, причём, его же кистью нарисовался. Не нравится! Назад, в прошлое! Давай-ка вернём Киевский патриархат, мол, не хочу быть просто главой священного синода Православной Церкви Украины, хочу красоваться в куколке в роли первого лица упразднённой УПЦ КП!

Ну, от старческого маразма на самом деле никто из нас не застрахован – доживём до 90-ста и посмотрим – кто из нас сохранит здравомыслие. На худой случай имеются

соответствующие заведения, с помещениями, в которых располагаются весьма занятные персонажи – и Наполеоны, и Ленины, и Сталины. Найдётся место и для новоявленных «украинских пап».

В конце концов, дело даже не в греховности тех же Филарета, Онуфрия и Кирилла – они уже давно заигрались, вообразив себя «проводниками Благодати Божией» - «священными коровами». **Главная проблема в нас с Вами.** Ведь это **МЫ** создали этих идолов словами своими и верноподданничеством. Одни говорят – мы Кирилловцы, другие – Онуфриевцы, третьи – Филаретовцы и т.д. И посему нынешний упрёк апостола Павла обращён прямехонько **к нам.** Разве разделился Христос? разве **Варфоломей или Епифаний** распялся за нас? или во имя Климента мы крестились?

Расколы и дробления будут и далее продолжаться и углубляться до тех пор, пока все мы не осознаем, что – не Кирилловы мы, не Онуфриевы, и даже не Дамиановы, - а Христовы!

От сумы и от тюрьмы не зарекайся!

«Не делай другому того, чего ты не желаешь, чтобы делали тебе». Мы отмечали тот факт, что люди разных, принципиально отделенных друг от друга традиций, независимо друг от друга приходили к этому выводу. Именно так звучит основное правило поведения Конфуция; именно так учил равви Гиллель. Аналогичные тезисы звучат в буддизме и в индуизме. Японцы, оторванные от мира, тоже вполне готовы были принять эту формулу. Не говоря уж об античном дохристианском мире.

Мы говорили с вами о том, что эта формула подкупает, во-первых, предельным категорическим обобщением: «Не делай **никому, никогда**». Но самое главное, конечно, в том, что это правило обернуто на субъекта действия, на себя. Вот поставь себя на место реципиента того или иного поступка, и посмотри, понравится ли тебе то, как с тобой поступили. Если не понравится, то этого делать нельзя. Вот и все.

Таким образом, это золотое правило этики выступает у нас идеальным инструментом анализа любой этической ситуации: делать что-то или чего-то не делать. Оно замыкает любую ситуацию на субъект действия, на самого деятеля, на носителя того «я», которое должно принимать решения. Или я этого хочу, или я этого не хочу – чтобы кто-то это по отношению ко мне совершил. В общем, все просто.

Но можно задаться вопросом: а должен ли я ставить себя в разные экзотические ситуации? Ведь вроде бы есть ситуации, в которых я не окажусь? Например, как поступать с убийцами, маньяками? Ведь я уж точно таким никогда не стану.

Убийцей, может, и нет, но, как у нас говорят: от сумы и от тюрьмы не зарекайся. У нас даже нельзя сказать: «садитесь, пожалуйста», предлагая кресло. Уж очень тяжёл исторический опыт нашего народа.

К слову говоря, эти экзотические ситуации нередко могут поставить в тупик человека, отстраняющегося от них. Например, вы знаете, что полярники-исследователи в те времена, когда было очень непросто и рискованно путешествовать во льдах, могли попадать в разного рода ситуации, когда вопрос стоял ребром, и эти ситуации многократно обкатывались в литературе. Например, скорее всего, выживут не все, а только самые сильные в данной конкретной ситуации, а больные и ущербные выжить уже практически никаких шансов не имеют, и надо разделить на тех, кто может еще выжить, и на обречённых, - или же вести себя иррационально, по принципу «или все выживают, или все умирают». Ну, к примеру, был такой фильм – «Красная палатка», про экспедицию Нобиле, которая, как известно, была крайне неудачной, потому что дирижабль потерпел катастрофу, и вот там, скажем, три человека оказались в такой ситуации. Один из них очень ослабел, до того, что он просто прямо попросил своих товарищей, которые ещё держались на ногах, чтобы они вырыли ему могилу. Скорее из эстетических соображений, чтобы медведям не достаться. И лег в нее умирать. А остальные пошли дальше. И вот вопрос: имели ли право люди так себя повести? И вопрос тут не в том, чтобы мы сейчас занимались судебным разбирательством, а чтобы попытались найти аргумент в пользу того или другого решения. Ситуация такая, что, конечно, врагу не пожелаешь. Имеется в виду ситуация, когда ты должен принимать решение. Тот, кто болен, кто ослабел, никаких решений принимать не в состоянии. От него ничего не зависит. Он может просить или требовать, чтобы его оставили, но решение принимает не он, а тот, во власти кого совершить некий поступок.

Или бывают ситуации, тоже широко описанные, когда во время боевых действий надо непременно, чтобы кто-то вернулся из разведки, ситуация аналогичная – все вернуться не могут, кого-то одного надо от себя отпускать, чтобы хоть он дошел, а остальные останутся погибать. Но там дело немного другое. Там хотя бы есть мотив – что всем остальным нужно, чтобы этот один разведчик дошёл, потому что от того, дойдёт он или не дойдет, зависит судьба не десяти, а десяти тысяч человек. А вот в ситуации, когда речь идёт о полярниках, вопрос упирается только в них.

Нечто подобное иногда происходит в горах. Есть один душераздирающий очерк о коммерческих путешествиях на Эверест. Действительно, коммерческих – то есть там уже давно есть много маршрутов, разработанных относительно, такого, нетрудного восхождения, разумеется, со всеми оговорками – что нужна предварительная подготовка и так далее. В общем, есть

уже проторенные тропы, и при большом желании и некоторых способностях там пройти может и средний человек. И ко всему прочему, это очень дорого стоит, то есть на этом можно зарабатывать.

Но, как известно, в горах от критической ситуации никто не застрахован. В том числе и суперпрофессионал. А ситуации там бывают настолько критические, что ещё хуже, чем у полярников. Потому что в этой критической ситуации может оказаться так, что шансов у двоих сползти одновременно, при условии, что кто-то из этих двоих плохо себя чувствует, практически никаких нет. Но, с другой стороны, если сойдёт один, то другой остается. И вот в этих коммерческих альпинистских группах уже сложилось правило, что в такой ситуации моральные нормы не действуют. Вот если кто-то не имеет очевидных шансов выжить, то его надо бросать и спускаться вниз. А уж потом, набравшись сил, вернуться спасать. Или да – или нет, и только так. И это правильно. А неправильно, например, стараться в любом случае спустить человека, потому что просто так это не получится – там должна быть специальная спасательная команда, погода соответствующая, люди отдохнувшие и так далее. А если всего этого нет, то вместо одного трупа будет два. И вот в соответствии с такой арифметикой нужно, чтобы был один труп, а не два – а труп всё равно будет. То есть шансов там - 99 против одного.

И вот приходилось читать о том, как погибло несколько человек в такой вот коммерческой экспедиции, когда два инструктора почувствовали себя плохо, и, тем не менее, чтобы не терять деньги, полезли наверх с группой. И сами погибли, и других убили. А те, кто смогли – те спустились после этого восхождения, но уже даже не полезли снимать тех, кто остался. И судебного расследования, конечно, не было, нет такой статьи – это только сфера моральная.

На самом деле, и здесь, как ни странно, индикатор правильного или неправильного поведения точно такой же. То же Золотое правило – сильный должен поставить себя, рассуждая абстрактно, на место слабого. Критерий всё равно сохраняется. Ведь не может быть такого человека, который не хотел бы спастись. Да, встречается порой сильный духом человек, который не будет настаивать, чтобы его спасали, как тот швед, который сказал, что больше всё равно идти не может, и попросил вырыть ему могилу. Но вот вопрос – принимать ли такую жертву, и если не принимать, то на каком основании. По хорошему говоря, принимать её невозможно. Видите ли, люди пошли в эту экспедицию добровольно, они все понимали, что рискуют, никто им ничего не навязывал. И оказались в ситуации, когда шансы близки к нулю.

И вот главный вопрос: в этой ситуации, для того, чтобы остаться Человеком перед лицом Высшего закона – как надо себя повести? Это очень серьезный вопрос.